
Е. С. СЕНЯВСКАЯ

ОКОПНЫЙ БЫТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОЧЕРК ФРОНТОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье на основе свидетельств непосредственных участников боевых действий (писем, дневников, воспоминаний) раскрывается один из важнейших аспектов фронтовой повседневности Русской армии в период Первой мировой войны – солдатский и офицерский быт на передовых позициях, включая физические и нервные нагрузки военнослужащих, пищевой рацион и способы обеспечения провиантом, вещевое и денежное довольствие, устройство жилья, организацию досуга и праздников, санитарно-гигиенические условия и др. Вопросы эффективности снабжения Русской армии продовольствием и обмундированием показаны с точки зрения «окопных сидельцев», для которых любая задержка обоза, неважно, по чьей вине, ощущалась особенно остро.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Русская армия, фронтовая повседневность, солдатский быт, организация снабжения войск.*

Опыт каждого участника войны неповторим и индивидуален, но вместе с тем достаточно типичен в контексте своего времени. Поэтому так важно для современного историка проникнуть во внутренний мир соотечественников, с оружием в руках отстаивавших интересы своей страны, детально изучить сложное и многогранное «измерение» фронтовой повседневности. Это новое знание объективно-субъективной реальности, увиденной глазами человека, непосредственно соприкасающегося с врагом, пережитой им и воспроизведенной в синхронных и ретроспективных источниках, очень многое дает для понимания того состояния, в котором находились страна, общество, государство, ведущие конкретную войну, и последствий этой войны для всего общества, его послевоенной жизни. Фронтовая повседневность Первой мировой – яркое тому доказательство.

На войне существуют и тесно переплетаются опасность боя и повседневность быта, совокупность которых во всем многообразии типичных и уникальных проявлений можно определить как *фронтовую повседневность*. Человек на фронте не только воевал – ни одно сражение не могло продолжаться бесконечно. Наступало за-

Историческая психология и социология истории 1/2014 192–219

тишье – и в эти часы он был занят *работой*, множеством больших и малых дел, выполнение которых входило в его обязанности и от которых во многом зависел его успех в новом бою. Солдатская служба включала в себя прежде всего тяжелый, изнурительный труд на грани человеческих сил. Поэтому наряду с опасностью боя важнейшим фактором войны, влиявшим на психологию ее участников, являлись особые условия фронтового быта, или уклада повседневной жизни в боевой обстановке. Русский военный психолог Р. К. Дрейлинг среди важнейших факторов, влияющих на психику бойца, называл «особые условия военного быта, вне привычных общественных и экономических отношений, тяжелый труд», отмечая при этом, что «труд, производимый, например, пехотинцем в полном вооружении и снаряжении, превосходит по количеству расходуемой энергии самые тяжелые формы не только профессионального, но и каторжного труда» (Дрейлинг 1997: 160).

Вл. Падучев описывал обычный день окопной войны на европейском театре военных действий, наполненный привычной рутинной работой вблизи неприятельских позиций: «Хорошо видно движение в наших окопах, как в пятой роте солдаты роют землянку и подкапывают тяжелые бревна, как пулеметчики набивают патронами ленту, а ротные телефонисты, как муравьи, тянут линию вдоль окопов... Утомленные сердитые лица, винтовки с примкнутыми штыками, сумки ручных гранат, остатки супа в медном котелке, зияющая черная воронка в колючей проволоке перед окопами, ротный фельдшер с красным крестом и двое раненых из нашего секрета – все это настоящее, будничное, покрытое серым цветом, но полное близкой тревоги ожиданий» (Падучев 1989: 534).

2 сентября 1915 года прапорщик М. Исаев, командир пулеметной команды^{*}, писал жене об особых нагрузках, выпавших на долю солдат, воюющих «в горном захолустье»: «Кавказский фронт – главный враг его не турки, и не курды, а природа. И когда покрутишь на этом фронте не одну сотню верст – поймешь, почему русский солдат прозвал его и “погибельным” и “проклятым”. Сколько маеты должен он был перенести и от жары и от холода – и от подъемов и от спусков. Когда я смотрел, как втаскивали двуколки – то от этого зрелища мне буквально жарко стало, в пот бросило, не в пере-

---

^{*} Автор статьи выражает признательность доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института российской истории РАН С. А. Козлову, обнаружившему в Центральном архиве документальных коллекций г. Москвы (ЦАДКМ) (ныне – Центральный московский архив-музей личных собраний [ЦМАМЛС]) письма участника Первой мировой войны М. М. Исаева (1880–1950) и любезно предоставившего возможность использовать их в данной работе.

носном, а в настоящем смысле слова...» (ЦМАМЛС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 81. Лл. 17–19 об.).

Разумеется, немалые *особенности военного быта* (в обеспечении жильем, питанием, денежным довольствием, в наличии особого круга внеслужебного общения и досуга) были связаны с принадлежностью к рядовому или командному составу, как и особые виды усталости, напряжения, опасности и страхов в боевой обстановке. Говоря о том, насколько сложнее психические условия деятельности командиров по сравнению с рядовыми бойцами, русский военный психолог Н. Н. Головин (1997: 20) отмечал, что чем выше поднимаешься вверх по иерархической лестнице военного командования, тем сильнее уменьшается личная опасность и физическая усталость, но зато многократно увеличивается моральная ответственность, которая лежит на плечах начальника. О том же свидетельствует в книге «*Душа армии*» генерал П. Н. Краснов (1997: 44): «Чувство страха рядового бойца отличается от чувства страха начальника, руководящего боем. И страх начальника, лично руководящего в непосредственной близости от неприятеля боем, отличается от страха начальника, издали, часто вне сферы физической опасности управляющего боем. Разная у них и усталость. Если солдат... устает до полного изнеможения физически, то начальник... не испытывая такой физической усталости, устает морально от страшного напряжения внимания».

У разных родов войск (пехоты, кавалерии, артиллерии, авиации, флота и др.) также существовала специфика как в условиях боевой деятельности, так и в деталях повседневного быта. «...Артиллерист, например, особенно тяжелой артиллерии, – отмечал вскоре после окончания Первой мировой войны А. Незнамов, – меньше подвергается утомлению, почти нормально питается и отдыхает, до него редко долетают пули винтовки, пулемета, но зато на него обращено особое внимание противника-артиллериста, и он должен спокойно переносить все, что связано с обстрелами и взрывами, часто очень сильными, фугасных снарядов. Он должен спокойно и точно работать (его машина много сложнее пехотного оружия), в самые критические периоды боя. От точности его работы зависит слишком многое, так как артиллерия очень сильно воздействует на течение боя» (цит. по: Измestьев 1923: 94). А вот не теоретическая оценка, но непосредственные личные впечатления и опыт участника Первой мировой «из окопа». Ф. Степун 21 января 1915 года писал матери: «...право же, все, что мы здесь переживаем, происходит гораздо проще, чем это кажется со стороны. Ужасное слово “бой” означает, слава Богу, для нас, артиллеристов, в большинстве

случаев процесс совершенно спокойный, я бы сказал даже идиллический» (Степун 2000: 39–41). В том же письме он сообщает, что на днях его батарея уходит в резерв, и добавляет: «Грех сказать, чтобы... нам было очень тяжело. Тяжело было пехоте, которая каждую ночь мерзла на передовых постах, каждую ночь ходила, святая, в разведку, ходила по глубочайшему снегу в двадцатиградусный мороз, ходила во весь рост в атаку навстречу пулеметам и ружьям. А мы в эти ночи, засыпая, только прислушивались к пулеметной трескотне» (Там же: 42). 14 июня 1916 года другой артиллерийский офицер – А. Жиглинский также отмечал различную степень опасности для разных родов войск: «Не хочу хвастать, но мне уж не так страшно, как раньше, – да почти совсем не страшно. Если бы был в пехоте, – тоже, думаю, приучил бы себя к пехотным страхам, которых больше». И далее: «Единственное, что мог я уступить животному страху моей матери, – это то, что я пошел в артиллерию, а не в пехоту» (ЦДНА. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 38). Здесь ясно прослеживается специфика «страхов», риска и повседневного быта у профессиональных категорий на войне.

М. Исаев 23 ноября 1915 года писал жене с Кавказского фронта: «...Разговоры о наградах – любимейшая тема у пехоты и кавалерии. Артиллеристы и саперы гораздо меньше говорят о них, вообще у них уровень образования гораздо выше. “Довольных” в тысячу раз меньше, чем “недовольных”... Один “род” оружия ревнует к другому... То, что пехоте предоставлены большие преимущества, – имеет основания, главным образом, для западного фронта. Здесь кавалерия сражается почти везде в пешем строю и рискует больше, чем пехота (разведки!). ...Легче всего служба здесь в артиллерии – сторожевой не несут, все ночи спят, на работы (рытье окопов) не ходят... Только и знают, что бой (а бои довольно редко). От ружейного и пулеметного огня в полной безопасности. Да и вообще у них почти нет потерь» (ЦММЛС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 80. Лл. 69–74 об.). А 21 марта 1916 года рассказывал в письме к детям: «У нас погода все еще не наладилась, по три дня идет дождь, потом несколько дней солнце. Только что высохнет – опять пойдет дождь целых три дня. Нам-то пулеметчикам хорошо, мы сидим дома, а вот бедным казакам надо каждый день в разведку ездить: дождь ли, снег ли, все равно седлай лошадь, одевай винтовку, шашку и кинжал, и поезжай в горы» (Там же: Д. 87. Лл. 10–11 об.).

Первостепенный вопрос фронтового быта – *солдатский рацион*. Оно и понятно: «Голодный много не навоюет». Прапорщик Исаев писал жене 17 сентября 1915 года с Кавказского фронта: «...Я пришел к выводу, что главное на войне – желудок. Помыслы всех направлены всегда на то, чтобы как можно плотнее набить его. Есть

хочется каждый день, и аппетит появляется по несколько раз – не всегда удается удовлетворить его своевременно. А уж раз выпала такая возможность – то стараются наверстать и прошлое, да и за будущее успеть. А “ужасов войны” до сих пор не переживал» (ЦМАМЛС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 81. Л. 21).

Солдатскому рациону уделяется немало места не только в интендантских сводках, но и в письмах с фронта и на фронт: родные в тылу интересуются, как в армии кормят «служивого», а тот, как правило, довольно подробно описывает свое окопное «меню». Например, унтер-офицер И. И. Чернецов писал домой 12 ноября 1914 года: «Мы все очень хорошо накормлены (1 фунт мяса в день на человека утром, да еще немного вечером). Кроме того, здесь много баранины, свинины и коров, которых начальство разрешает бить и делить между собою. Чай, сахар выдают регулярно и в достаточном количестве. Много везде в домах ссыпано картофеля, который мы жарим на свином сале, варим с мясом, делаем котлеты (если найдем в доме машинку для рубки мяса) и даже печем лепешки на свином сале; муки оставлено много, но дело в том, что, конечно, нет дрожжей, но несмотря на это, ржаные лепешки, жаренные на свином сале, выходят очень хороши, и даже ротный наш командир часто просит солдат поставить на его долю теста» (ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 3–5.). По прошествии двух лет войны, 18 ноября 1916 года, Чернецов сообщает родным, что казенная кухня, бывает, задерживается, когда полк куда-нибудь передвигается. «В остальное время обед и ужин нам выдают регулярно каждый день. Мяса получаем всего 1 и 1/4 фунта в день на человека, сахару по три куса в день и чаю достаточное вполне количество, изредка только бывает нехватка его. Это если происходит какая-нибудь задержка в доставке. Ведь муку, да и самый готовый хлеб приходится доставлять из России, а с этим надо считаться. Вообще кормят хорошо: варят лапшу (с большими макаронами), горох, суп с сушеными корнями, суп с картофелем, щи со свежей капустой и суп с гречневой кашей, иногда с рисом или перловой крупой. Вечером и утром получаем обед и ужин по одному первому, как и в Японскую войну. Этого вполне достаточно, и солдаты все довольны продовольствием» (Там же: Лл. 7–10.).

Не столь оптимистичное суждение встречаем в дневнике В. Арамилева: «Днем мы обедаем и пьем чай. И то и другое готовят в третьей линии. Суп и кипяток получаем холодными. Суп в открытых солдатских котелках – один на пять человек – несут три километра ходами сообщения. Задевают котелками о стенки окопа – в суп сыплются земля и песок. Суп от этого становится гуще,

но не питательнее. Песок хрустит на зубах и оказывает дурное влияние на работу желудка. Все страдают запором. Горячей пищи мало, все едят всухомятку. Балагур и весельчак Орлик приписывает запор наличию песка в супе и каше» (Арамилев 1989: 537–538).

Еще более категоричен в оценке качества солдатского питания прапорщик Бакулин. В его объемном дневнике этот вопрос затрагивается неоднократно, очевидно, потому, что являлся действительно «больной темой».

13 апреля 1915 года: «Выдача рису частям прекратилась, объясняют тем, что от риса летом будут желудочные заболевания, также убавили выдачу масла или сала, должно быть тоже бояться желудочных или каких-нибудь других заболеваний...» (Из дневников... 1999: 56).

12 июня 1915 года: «Теперь как-то с продуктами плохо, на Червонном Бору в продовольственном магазине ничего нет, вчера дали только одних макарон да сахару, солонины, рыбы-воблы, крупы нет... В Белостоке солонины зарыли десять тысяч пудов, интересно, сколько зарыто фактически и сколько пошло в пользу интендантов. Сегодня был на 51 хлебопекарне, составили акт о недоброкачественной муке – мука затхлая, горькая и комьями, в одном мешке три сорта, с концов хорошая, в середине дрянь. Когда мука шла с мельницы и с клеймами фирм, была хороша, а теперь какая-то мешанная, не разберешь, от кого и откуда... От рыбы-воблы в полках отказываются – суп выходит горький. А по инструкции ее варить невозможно: в инструкции сказано воблу обдирать, шкуру ошпаривать кипятком, чтоб не было горечи, а на деле вобла очень мелкая, обдирать ее сизифов труд, за неимением кипятка на позициях, ошпаривать тоже нечем. Вообще, интендантская затея, как и все, неумна» (Там же: 64–65).

18 сентября 1916 года: «В интендантстве сейчас почти никаких продуктов нет, нет даже необходимых, как-то: крупы, соли; сахар – и то недавно доставку наладили, а то и его не было. Полкам приходилось варить пищу: ½ фунта мяса, вода и заболтано мукой, каши не было. Если так будет долго продолжаться, земляки взбунтуются. Теперь для закупки картофеля, капусты, риса, макарон и других продуктов послано от дивизии четыре офицера – это указывает на полное банкротство нашего интендантства» (Там же: 100).

Иначе выглядела «продовольственная корзина» тех, кто воевал на Кавказском фронте. 19 октября 1915 года Исаев писал жене: «...чему я не перестаю удивляться, это бесконечной терпеливости

и выносливости рядового нашего солдата. Пришли из сторожевки, на другой день на рытье окопов, а на следующий опять в сторожевку... Едят борщ, в котором от борща кроме названия ничего не осталось, так как два месяца не получается ни капусты, ни картофеля. И не жалуются “раз нет”. О белом хлебе нечего и мечтать: для офицеров это лакомство, (а между тем мнение, что “простой” человек “не любит” белого хлеба – следует отнести к числу предрассудков. В Тифлисе... солдаты всегда покупали белый хлеб)» (ЦМАМЛС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 81. Лл. 35–40 об.). Но далее следует любопытное признание: «Обо мне ты не тужи. Я вовсе уже не так плохо питаюсь. Бежавшие 17 сентября курды побросали по дороге много добра. Мы нашли около трех пудов масла, перетопили его и у нас теперь все готовится на прекрасном масле... Затем с 18 числа сентября у нас есть и корова, дает 3 бутылки молока. Несколько дней был и лук и картофель. Да, забыл сказать: поели винограду вдосталь. Весь Ван в виноградниках, ну и истреблялся же он в несметном количестве. ...Ловили рыбу (не я) и ели. Мяса все время вдоволь, хлеба тоже» (Там же). 23 февраля 1916 г. он сообщает: «Обо мне сейчас не беспокойся. Живем, как у Христа за пазухой. Едим лучше, чем вы. Про мясо нечего и говорить – целое стадо баранов. ...Решил завести собственных кур. Есть уже четыре..., велел купить еще шесть штук и петуха. Стоит курице снести только 10 яиц – и она уже окупила себя. Сейчас велел купить и пару гусей. Буду откармливать. Вот видишь, я недаром говорил, что во мне сидит землевладелец» (Там же: Д. 82. Л. 28.). Но такая идиллия продолжалась недолго. 9 июня 1916 г. он полусхвально жалуется жене: «Сегодня обеда не будет, а прямо ужин. Утром почему-то мяса не выдали. Дадут вечером. И то хлеб. Пойду вниз, “стрельну” где-нибудь. Знакомых у меня много: и батарейцы, и пограничники, и дружинники. Если у них, конечно, что-нибудь есть... Ах, Марочка, как я низко пал! Я мечтаю о Тифлисской “Анноне”! (ресторан. – Е. С.) Больше не буду посылать тебе денег, буду копить их, и, попав в культурные места, проем... Покупаешь ли ты детям что-либо сладкое? При первой оказии пришлю тебе для этой цели 10 рублей – а нет, затрать свои, слышишь, Марочка!» (Там же: Д. 83. Лл. 50–55 об.).

25 июля 1916 года: «Один день выдали вместо хлеба – по 15 золотников муки. Выходило – три галушки. Это вызвало острооты, шутки – но ни одной жалобы... Солдаты отлично понимают, что “отпуск” всякого рода пищевого довольствия в эту войну более чем достаточен (“лучше едим, чем теперь в тылу”) – но могут воз-

никнуть затруднения в доставке. «На то мы и на позициях». «Это тебе не Тифлис!» (ЦМАМЛС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 83. Лл. 93–97 об.).

Особый интерес вызывают рассуждения Исаева о «захолустности» Кавказского фронта, обойденного вниманием благотворительных организаций. Еще 2 сентября 1915 года он с горечью отмечал: «Да, сюда к нам ни одна дама-патронисса, ни один уполномоченный с подарками не появился. Пожалуйте верхом! Хотя бы посылками пересылали. Ведь ничего не достанешь. Случайно у обозников купили несколько фунтов карамели, три коробки сардинок. Мяса бараньяго вдоволь – но зелени никакой... Масла, конечно, нет, все на сале... Есть слух, что мне идут две посылки, они уже недалеко отсюда, что-то в них заключается? Когда будешь посылать – непременно пошли сухих плодов, кофе... лимонной кислоты, сдобных сухариков. Из другой области – свечей. Табаку не нужно. Его пока всегда доставали. Хорошо бы книг» (Там же: Д. 81. Лл. 17–19 об.).

Трудности со снабжением русской армии возникали на всех фронтах на всем протяжении войны. В этой связи Степун (2000: 26) в качестве злейшего врага наряду с немцами и австрийцами называет «полную нераспорядительность начальства». Неповоротливость разного рода служб и ведомств Российской империи, призванных обеспечивать армию всем необходимым, бросалась в глаза всем, включая посторонних наблюдателей. Летом 1915 года Дж. Рид (1989: 386) записал: «Страна жила солдатами. Ими были набиты все станции; полки, лишь наполовину вооруженные, рассаживались вдоль платформ в ожидании своих поездов. Поезда кавалерии с лошадьми, платформы, высоко нагруженные продовольствием, беспрестанно попадались нам навстречу. Повсюду крайняя дезорганизация: расположившийся у железнодорожного полотна батальон ничего не ел весь день, а дальше громадный навес – столовая, в которой портились тысячи обедов, так как люди не прибыли вовремя. Нетерпеливо гудели паровозы, прося свободного пути... На всем лежал отпечаток безалаберно затраченных повсюду огромных сил. Какая разница с бесперебойной германской машиной...»

О проблемах со снабжением войск продовольствием и реквизициях в Галиции в сентябре 1914 года вспоминал военный врач Л. Войтоловский, приводя монолог своего сослуживца: «В голодное село приходят голодные резервы. Через четыре часа они будут брошены в наступление. Должны ли мы их накормить? Разумеется, так. Ибо раз мы воюем, то мы хотим победить, а раз мы хотим победить, то солдаты должны быть сыты. Но этому противятся

строптивные галицийские бабы. Правда, у них имеются для этого свои бабьи резоны. Если мы заберем у бабы последнюю корову, то ее детишки останутся без молока и помрут, быть может, голодной смертью. Но ведь одной коровой я могу накормить целую роту солдат, из которых двадцать процентов будут через четыре часа убиты и ранены. Имею ли я право лишить солдата последнего утешения на земле – умереть по крайней мере сытым. И как я должен, по-вашему, поступить, когда стоит передо мной голый вопрос: рота солдат или одна галицийская семья?.. А строптивные галицийские бабы, которые понятия не имеют ни о статистике, ни о стратегии, орут благим матом: “остатняя крова...”» (Войтоловский 1998: 42).

Чем дольше продолжалась война, тем большим становилось опустошение территорий, через которые проходила огромная армия, и тем сложнее было эту армию прокормить, причем не только людей, но и лошадей. 12 сентября 1916 года прапорщик Бакулин писал: «С фуражом у нас творится что-то необыкновенное. Ни сена, ни зерна нет. Заявляю командиру – один ответ: “Приказано использовать местные средства”. Это значит посылать солдат воровать. Три месяца скоро, как не брали казенного сена, косили чужую траву, на аренду лугов денег не давали, теперь же не дают денег на покупку сена. Как хочешь, так и корми лошадей...» (Из дневников... 1999: 99–100). Когда поставки из глубины России были невозможны, армию кормили за счет местного населения. И даже образованные люди, хотя и сочувствовали обиравшим жителям, не испытывали по этому поводу особых угрызений совести, оправдывая такие действия военной необходимостью.

Впрочем, у противника дела с продовольствием тоже были не слишком хороши. Вот какую оценку мы встречаем в докладе русской военной разведки, сообщавшей о фактах плохого снабжения австрийской армии: «Офицеры и интенданты объясняли отсутствие провианта действиями русской кавалерии, постоянно взрывавшей в тылу у неприятеля мосты и портившей дороги, благодаря чему своевременный подвоз был невозможен. Офицеры были в изобилии снабжены консервами и даже вином. Когда на привале они начинали пиршествовать, запивая еду шампанским, голодные солдаты приближались к ним и жадно смотрели на это, когда же кто-нибудь из них просил дать хоть кусочек хлеба, офицеры отгоняли их ударами сабель» (РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Лл. 75–76). Любопытно, что в каждой строке этого официального документа сквозит сочувствие к вражеским солдатам!

Похожую картину описывает в дневнике прапорщик Бакулин 14 марта 1915 года: «Встретил пленных немцев, 150 человек, на

вид неказисты, одеты легко, многие без шинелей, идут и жуют наш черный хлеб... Что выяснилось из разговоров с пленными, кормят их очень плохо, сидят голодные, хлеба нет, горячей пищи нет, а погода стоит холодная... Все пленные, каких я видел и видели другие, очень истощены, как-то измучены, на что даже обратили внимание наши обозные, и почти все дорогой жуют наш хлеб» (Из дневников... 1999: 54–55). 2 ноября он добавляет: «Окопы так близко сходятся, что между нашими и германцами начались знакомства и даже меновая торговля: наши дают хлеб, а германцы – коньяк; хлеб ценится германцами высоко, что указывает, что его у них нет, и даже это германцы подтверждают сами...» (Там же: 102).

Зато в дневниках Арамилева (1989: 539–540) картина совершенно иная. «В наши окопы пробрался удравший из немецкого плена рядовой Василисков. Рассказывает о немцах с восторгом.

– Бяда, хорошо живут черти. Окопы у них бетонные, как в горницах: чисто, тепло, светло. Пишша – что тебе в ресторантах. У каждого солдата своя миска, две тарелки, серебряная ложка, вилка, нож. Во флягах дорогие вина. Выпьешь один глоток – кровь по жилам так и заиграет. Примуса для варки супа. Чай не пьют вовсе, только один кофей да какаву. Кофий нальют в стакан, а на дне кусков пять сахару лежит. Станешь пить какаву с сахаром – боишься, чтоб язык не проглотить.

– Сладко? – спрашивают заинтересованные солдаты.

– Страсть до чего сладко! – восклицает Василисков. И тут же добавляет: – Игде нам супротив немцев сдюжать! Солдат у его сыт, обут, одет, вымыт, и думы у солдата хорошие. У нас что? Никакого порядка нету, народ только мают.

– Чего ж ты удрал от хорошей жизни? – шутят солдаты над Василисковым. – Служил бы немецкому царю. Вот дуралей!

Он недоуменно таращит глаза.

– Как же можно? Чать я семейный. Баба у меня в деревне, ребятишки, надел на три души имею. Какой это порядок, ежели каждый мужик будет самовольно переходить из одного государства в другое. Они – немцы – сюды, а мы – туды. Все перепутается, на десять лет не разберешь».

Простоватый неграмотный крестьянин и не подозревал, что ему в плену «пускали пыль в глаза», угощали непривычными «деликатесами», а затем позволили сбежать к своим, чтобы использовать в качестве агитатора, деморализующего боевой дух сослуживцев. Так быт становился оружием «информационной войны», предваряя листовки более позднего времени с призывами к солдатам противника сдаваться и обещаниями сладкой и сытной жизни в плену.

Часто в боевой обстановке обычная бытовая проблема становилась вопросом жизни и смерти. «Воды из тыла привозят мало, – писал тот же Арамилев (1989: 538). – Берем воду в междуокопной зоне, в ямках, вырытых в болоте. Но вот уже целую неделю это “водяное” болото держит под обстрелом неприятельский секрет. Он залег в небольшой сопке в полуверсте от наших окопов и не дает набрать ни одного ведра воды. За неделю у колодца убиты пять человек, ранены три. Командир полка отдал лаконичный приказ: “Секрет снять. В плен не брать ни одного. Всех на месте...” Ходили снимать... Операция прошла вполне удачно. Закололи без выстрела шесть человек. С нашей стороны потерь нет». 21 ноября 1914 года прапорщик Бакулин записал: «Немцы как-то пронюхали, что около 9 часов вечера к нам подходят кухни, а также узнали, где кипятят воду землячки. Каждый вечер, около 9 часов начали посылать шрапнель, и однажды попали в кухню в тот момент, когда раздавали пищу, и ранили несколько человек, а двоих убили, даже черпак вышибло и перешибло шрапнелью в руках кашевара. Один снаряд угодил тоже в печь, где землячки кипятили воду, тоже ранило и убило несколько человек. Без чаю землячок жить не может, никакая шрапнель его не остановит, если он знает, что может вскипятить воду. Меня угощали своим чаем, чай похож вкусом на все, что угодно, но только не на чай, и сапогами отдает, и салом, но только не чаем. Но ничего, удовольствуются и этим. Пьют, да похваливают» (Из дневников... 1999: 49).

Не меньшее значение имело *вещевое довольствие*, под которым понимается обеспечение войск предметами обмундирования, бельем, обувью и снаряжением (Аранович 2006: 313).

Особую роль играла обувь. Она выходила из строя в первую очередь, а плохое ее состояние в условиях холодов приводило к массовым обморожениям. Д. Оськин (1989: 480–481), тогда еще рядовой пехотинец на Юго-Западном фронте, записал в ноябре 1914 года:

«После обильно ливших в последнее время дождей сразу наступила зимняя погода. Выпал снег и установился мороз, временами достигающий двадцати градусов. Морозы застали нас в летнем обмундировании. Обувь, полученная еще в Туле, за время продолжительных походов поистрепалась, и у большинства солдат сапоги “просили каши”. Летние портянки не грели. Особенно скверно приходилось тем из солдат, кто проводил ночь на сторожевых постах. Только тут мы пожалели о выброшенных нами перед выходом из Устилуга набрюшниках и башлыках – какие хорошие из них получились бы портянки!

...Морозы установились надолго. Начались сильные ветры, с обильным снегопадом, после которых ненадолго наступала оттепель, образовавшая гололедицу. Мои сапоги пришли в такое негодное состояние, что мне приходилось при выходе из землянки обматывать ноги единственной запасной парой белья. Долго я крепился и переносил холод, но наконец не выдержал – отправился к фельдфебелю за разрешением пойти в полковой околоток.

Околоток был устроен неподалеку от штаба полка, в Острожежниках, в лесу, под навесом из молодых, свежесрубленных деревьев. Несмотря на ранний час, приема врача ждало уже человек сто. У всех была одна болезнь – отмороженные руки и ноги. Принимал доктор Блюм. Он заставлял снимать сапоги и осматривал ноги; затем фельдшер смазывал отмороженное место вазелином. Сильно обмороженных оставляли на несколько дней для отдыха при околотке, где можно было беспрепятственно разводить костры. Когда наступила моя очередь, Блюм, осмотрев мои ноги и расспросив об условиях жизни в окопах, посоветовал как можно скорее заменить худые сапоги другими, более крепкими. На мое замечание, что в таких сапогах ходит весь полк и что ни у кого нет теплых портянок, Блюм ответил: «Музеус принимает все меры, да интенданты что-то медлят с высылкой».

Я. Окунев (1989: 493–494) писал осенью 1915 года: «Мы ждали сапог, которые истрепались вконец, благодаря длинным переходам по гористой местности; ждали обозов с провиантом и полушубками, – во всем этом была большая нужда: наступили холода, по ночам подмерзала вода в траншеях, нельзя было ничего достать кругом даже за большие деньги, потому что деревушки и села были пусты и частью сожжены артиллерийским огнем или самими жителями. Обозы прибыли. Тут были и новые сапоги, и свежие, уютно пахнувшие овчиной полушубки, и консервированное мясо, мука, картофель, даже солонина была. К вечеру мы будем сыты, обуты, одеты... о чем мы мечтали на привалах, в землянках и сырых траншеях в морозные ночи и дождливые дни...»

Нерасторопность интендантских служб частично (на самом деле – капля в море!) компенсировалась заботой близких, присылавших солдатам в окопы теплые вещи. Так, Чернецов писал родным 12 ноября 1914 года: «Посылки я все три (две от мамы и одну от Ольги Ивановны) получил еще 12 октября, за что приношу всем вам сердечную благодарность за труды. Теперь я обеспечен теплыми вещами с излишком. Наступившие здесь холода градусов на 10 легко переносятся мною, а спать иногда приходится в поле, в блиндажах,

где, конечно, только тихо, но печей нет; там много сена, так что, зарывшись в него, спать очень тепло. Сапоги мои еще очень хороши, каблуки до половины только сбились, но теперь у нас сидят два сапожника, которые и чинят бесплатно всем обувь, а потому, набив каблуки, сапоги станут опять, как новые» (ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 3–5). 4 декабря 1914 года он обращается с конкретной просьбой: «Еще чего у нас нет, так это стеариновых свечей, в которых сильная нужда. В долгие вечера не с чем сидеть или собраться и разобратся, ужинать, приходится жаться к одному огоньку у какого-нибудь солдата. Жгем сало свиное, машинное и вообще все горючее. Свечи хорошо бы прислать как можно толще (хорошо бы железнодорожные), да, кстати, пришлите пачку спичек, их у нас трудно достать. Можно ли только их пересылать по почте? Не считаются ли они огнеопасными предметами? Но я думаю, можно положить их в жестяную коробку для безопасности (одному солдату у нас прислали в посылке спички). Вот из этих предметов и можно составить посылки и прислать их сюда, за что я заранее приношу вам всем сердечную благодарность за хлопоты по пересылке и упаковке их...» (Там же: Лл. 11–13).

Прапорщик Бакулин, по состоянию здоровья отправленный с передовых позиций командовать обозом, описывал в своем дневнике все те проблемы, с которыми столкнулась армия в плане вещевого довольствия, отмечая, в частности, «коммерческие инициативы» самих солдат, приторговывавших выданным казенным обмундированием в полной уверенности, что взамен проданного им все равно будет выдано все новое.

13 апреля 1915 года: «С февраля месяца полки все кожи с убитого скота должны сдавать нам, а мы сдаем продовольственному транспорту, думаю, что половина кож придет на кожевенные заводы испорченной, так как никто не знает, как их засаливать и как сохранять. Также приходится принимать из полков старые сапоги, говорят, что их где-то чинят, а по-моему, просто выбрасывают, так как они сдаются нам в таком виде, что едва ли какой сапожник может их починить; продовольственный транспорт всеми способами старается их не принять, жалуясь, что нигде их не принимают. Нижние чины сумели из этой операции по приемке сапог извлечь себе пользу – возьмет себе развалившиеся сапоги, а свои, хорошие, продаст; потом заявляет, что ему нужны сапоги, ибо его износились.

Принимаем от частей полушубки, теплые вещи, это хотя не очень изношено, но штаны, мундиры, рубаха – это какое-то рублище, приходится принимать это тряпье, кроме заразы и паразитов от него ничего не получишь; куда это все идет, надо удивляться, на-

верное, потом выбрасывают или продают за гроши, что не стоит перевозки. Даже старые валенки и то приходится принимать...» (Из дневников... 1999: 56–57).

12 мая 1915 года: «Везде теперь стараются устроить сапожные мастерские для починки сапог, а сапоги так разваливаются, что починка их почти невозможна» (Там же: 61).

23 ноября 1915 года: «Настали холода, полушубков очень мало, а валенок дали всего по 40 пар на полк, кожаных сапог тоже нет, когда один полк обратился с требованием сапог, то ему решительно отказали в присылке их и предложили шить их самим, а кожу употреблять с убитого скота, так как скот режут каждый день и кожа у них есть. Дубить кожу тоже могут сами. Значит, кроме боев, в полку должны принимать участие в дублении кожи и шитье сапог» (Там же: 74).

9 декабря 1915 года: «Полки шьют сапоги из соленой кожи, кожа солится три дня, потом из нее шьют сапоги, вроде чулок, шерстью внутрь. Думаю, что они заменить сапог не могут, да, кроме того, будут скоро изнашиваться, хотя зимой, при морозе и теплых портянках, они могут заменить валенки вполне» (Там же: 76).

11 декабря 1915 года: «11 декабря у нас в обозе был первый смотр генерал-лейтенантом Шишкиным, т. е. начальником нашей дивизии. Солдатам приказал купить гармошки, скрипки, выписать газеты, например, “Свет” или вроде, две-три, для офицеров граммофон и также газету, ставить спектакли для солдат и вообще устраивать различные развлечения. А вот насчет валенок ничего не сказал, а их у нас нет» (Там же: 77).

23 мая 1916 года: «Получили для нижних чинов обоза американские ботинки, на вид очень крепкие, как будут носиться – увидим; обещание интенданта о выдаче на лето лаптей не состоялось, и теперь будут ботинки. Вообще об отношении солдат к своему обмундированию нужно сказать несколько слов. Когда команды и маршевые роты отправляются на фронт, то все солдаты обуты и одеты хорошо, но как только достигнут, скажем, г. Смоленска, то сейчас же начинается распродажа вещей обмундирования: первые продаются хорошие сапоги, вместо них надевают рваные, потом дальше начинают продавать палатку – цена ей от 70 коп. до 1 рубля, шаровары и суконную рубаху тоже продают, а сами взамен получают старую рвань. Это проделывают не только бывалые уже на фронте, но и новички-новобранцы, на которых растлевающим образом действуют бывалые на фронте солдаты. В тылу почти все крестьяне носят сапоги казенного образца, теперь юбки у крестьянок сшиты из солдатских палаток; спросишь: “Где взяла?”, ответ: “Был герман, оставил палатку, из которой сшила

юбку». Или казак подарил германскую палатку» (Из дневников... 1999: 88).

24 июля 1916 года: «В полках от дивизионного интенданта получили приказ по Юго-Западному фронту от 16 мая с.г. с инструкцией, как шить сапоги с подметками из старой кожи, из старого брезента, из тряпок и из веревок, а для изучения работы... из полков были командированы в Смоленск по два сапожника. Интендантство обещало прислать лапти – до сих пор шьют; австрийцы также пользовались лаптями, после них осталось много старых ношенных лаптей, австрийские лапти похожи на туфли для купания, плетенные из травы, но эти сделаны тоже из лыка» (Там же: 95–96).

31 июля 1916 года: «Вчера получили для обозных лапти, а лапти те, интендантские, плохи и много мелких, лето кончается, а лапти выдают, даже нижние чины острят: германцы сбросили с аэроплана будто бы 200 пар лаптей с запиской: “Сняты с Ваших пленных, а взамен лаптей им выданы сапоги”» (Там же: 96–97).

Время от времени (например, к Рождеству, Пасхе и т. д.) служивых баловали подарками разные благотворительные организации. Но не все они доходили до солдатской окопной массы. Самое ценное «прилипало к рукам» тыловых служб, оседало в штабах. Исаев 19 октября 1915 года писал с Кавказского фронта: «Возвращаюсь к подаркам. Прочел вчера случайно, что в конце сентября из Москвы привезли для Кавказского фронта целых 23 вагона... Что-то до нас доедет? Вчера мне жаловались артиллеристы, что как-то из подарков получили меховые куртки штабные отряда, а им шиш с маслом. И поэтому, если действительно хотите иметь уверенность, что подарки дошли до тех, кто в них наиболее нуждается, то надо доезжать до позиций, а не сдавать в штабы. Неужели наша команда не заслужила доли внимания со стороны общества? Три месяца походной жизни, без какого бы то ни было отдыха. Правда, только и есть, что один бой, и, слава богу, нет раненых и убитых. Но зато: за 3 месяца из 72 нижних чинов – перебивало на госпитальном лечении 18 (10 и сейчас в госпитале), из них один умер от тифа» (ЦММЛС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 80. Лл. 35–40 об.).

Можно по-разному оценивать эффективность интендантских служб Русской армии в период Первой мировой войны (см.: Аранович 2000; 2006 и т. д.), приводить статистику произведенного и доставленного на фронт продуктового и вещевого довольствия (Шубин 1997; Валяев 2012 и др.), но мнение «окопных сидельцев» всегда будет противоречить самым благополучным отчетам и цифрам, потому что каждый день задержки обоза, неважно, по чьей вине – во-

роватых интендантов, ленивых обозников, дорожной распутицы или вражеской артиллерии, – солдаты ощущали на собственной шкуре, вынужденные не только постоянно рисковать своей жизнью, но при этом довольно часто голодать и холодать.

Во многих письмах фронтовиков упоминается также *денежное довольствие*. Как правило, речь идет о том, что армия обеспечивает всем необходимым, деньги на фронте не слишком нужны и их отправляют по аттестату семьям, но выдача жалования происходит нерегулярно. Так, Чернецов писал домой 12 ноября 1914 года: «Деньги я еще до сих пор не получил, но оказалось, что пока их и не нужно, потому что решительно не на что их тратить, а у меня еще есть 25 рублей». 17 января 1915 года он сообщает сестре: «Милая Лиза! На днях я послал домой 150 рублей, которые скопились из жалования, да еще оставшиеся, которые были присланы из дома. Оставил себе 30 рублей на расходы, которых теперь почти нет, только иногда расходуешь на ситный. Больше решительно не на что их тратить... Жалования я получаю теперь 38 рублей 75 копеек и еще 1 рубль 50 копеек...» (ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 24–25). Прапорщик А. Жиглинский пишет матери 22 марта 1916 года: «Послал сегодня деньги для получения по аттестату – ты получишь порядком за это время», а 31 мая 1916 года сокрушается: «Денег так и нет, не выдавали. Сам сижу без копейки» (Жиглинский 2004: 86, 92).

Еще один важный вопрос фронтового быта – *устройство жилья*. Здесь существовали значительные отличия для рядового состава и офицеров, представителей разных родов войск, для тех, кто воевал на европейском театре военных действий и на «периферийном» Кавказском фронте. На формы и способы обустройства влияли природно-климатические условия и времена года. Войска, следующие к фронту, располагались на постой в населенных пунктах, в жилищах местных жителей самых разных сословий. Это могла быть и крестьянская халупа, и баронский замок. Лучшие помещения занимали офицеры. Естественно, в различных условиях находились непосредственно на передовой и в резерве, куда войска отводили на отдых.

Вот как описывает солдатское жилье прапорщик Степун (2000: 13): «Вдоль той дороги, по которой мы двигались, были расположены небольшие пехотные окопы, оказалось, что это прикрытие нашей артиллерии. Что-то нас задержало, и мы остановились; я долго беседовал с солдатами. Каждый из них живет в небольшой яме. Яма сверху наполовину прикрыта досками, внутри каждой ямы сложена из трех-

четырёх кирпичей печь. Была ночь; в каждой яме, в каждой печи горел огонь, и странно – мною этот огонь определенно ощущался, как огонь родного очага, и эта яма, как дом и твердыня, как кров и уют. Мне, никогда еще не выдавшему позиции, стали впервые понятны рассказы участников японской кампании о том, как солдаты и офицеры привыкают к своим устланным соломою ямам, как любят они их, спасающих от раны и смерти».

Совсем иные впечатления высказывает Оськин (1989: 461–480), начинавший службу рядовым солдатом и успевший пожить в такого рода жилищах до того, как стал прапорщиком: «Жизнь в окопах, в близком соседстве от немцев, держала нас постоянно настороже – каждую минуту можно было ожидать наступления с их стороны и мы спали не раздеваясь. Самые окопы были очень неудобны и скорое напоминали зигзагообразные канавы. Рядом с окопами солдаты сами, без каких-либо указаний саперных частей, вырыли землянки – глубокие ямы, прикрытые несколькими слоями бревен, пересыпанных слоями земли. Здесь мы чувствовали себя достаточно укрытыми от снарядов, но зато не было никакого спасения от холода. Пролежать целый день в землянке было совершенно невозможно – приходилось выбегать наружу и согреваться бегом на месте. Сначала мы попробовали было устроить нечто вроде печей, но временно командующий батальоном полковник Иванов, заметив дым над землянками, строжайше запретил разводить огонь, так как немцы, мол, по дыму обнаружат месторасположение окопов и начнут артиллерийский обстрел. На наш взгляд это запрещение казалось совершенно бессмысленным – немцам все равно было известно наше расположение, так же как и мы знали, где расположены окопы немцев. Досаднее же всего было то, что над немецкими окопами мы с утра и до вечера видели дым. Очевидно, они несколько не боялись отапливать свои убежища... Неподвижное сидение на мерзлой земле во время сильных морозов вызвало среди солдат заболевания. Люди десятками выбывали из строя – у меня из взвода ежедневно по несколько человек уходило на перевязочный пункт с отмороженными пальцами рук и ног».

Похожую картину рисует В. Вишневский (1989: 378), описывая движение войск к Карпатам в начале кампании 1915 года: «В так называемых тесных районах квартирования приходилось по шестьдесят человек на избу... Там же, где люди не вмещались в стодолы (сарай. – *Е. С.*) и топтались на холоде, ожидая приказаний, штабы, устроившиеся в фольварках – господских усадьбах, – приказывали им располагаться бивуаком. Солдаты расстилали, следуя передаваем-

мому из поколения в поколение солдатскому правилу, половину своих шинелей на снегу, ложились на них, тесно прижавшись друг к другу, и укутывались другой половиной шинелей. В темноте по снежным полям дребезжа пробирались походные кухни и кормили остывшим серым супом вылезавших из-под шинелей, дрожащих от холода солдат. Горели костры, сложенные из разломанных изгородей».

А вот опыт артиллерийского офицера Жиглинского: «В обозе скучно. Единственное развлечение – чтение и поездки в отряд, в батарею... В халупе у меня довольно уютно. Глиняный пол я устилал здешними “фабрыными” холстами, кровать огородил полотнищами палаток. На стенах – картинки Борзова “Времена года”, портреты Государя, кривое зеркальце, полукатолические бумажные иконы, оружие, платье, гитара, окна завешены холстом. В углу глинобитная, выбеленная печь. На столе горит свеча в самодельном подсвечнике из банки из-под какао, лежат газеты, бумаги и рапорты, книги и карандаши и т. д. На улице холодно, сыпется сухой снег и повеваает метелица. В печке весело потрескивают дрова и золотят блеском огня пол, скамьи вдоль стены. За дверью, на кухне слышны голоса мирно беседующих хозяев и денщика». Он же, находясь на передовой, писал: «10 часов вечера, уже темно. Вдали гремит канонада – уже часа три без перерыва. Я сижу в землянке, устроенной из погреба разрушенного дома. Кирпичные стены, бревенчатый потолок. Ход сообщения ведет к орудийному блиндажу. На столе – бутылка, увы, молока, хлеб и свеча» (Жиглинский 2004: 82, 91).

Индивидуальный опыт каждого участника войны был весьма разнообразен. Даже рядовые – в зависимости от того, на каком участке фронта и в какой период войны они находились, – могли время от времени пребывать в довольно комфортных «жилищных условиях», как и офицеры – ночевать под дождем, мерзнуть в окопах и неделями не снимать сапоги. Л. Войтоловский (1998: 423–424) вспоминал отступление сентября 1915 года по Полесским болотам: «Холодно. Дождь ледяными струями забирается под рубашку, и мечта о пристанище и тепле мучает еще неотвязнее, чем голод. Целый день плетемся по вязким лесным дорогам. Неужели опять ночевать в лесу под холодным дождем? ...Мы вваливаемся в крохотную лесную сторожку, где застаем уже двух офицеров, полкового монаха и сторожа с кучей детей».

Война всегда оставалась не только опасным, но и напряженным, истощающим физические силы и психику человека трудом. Минуты затишья могли сменяться внезапными периодами напря-

женных боев. Поэтому *отдых* и прежде всего элементарный *сон* так ценились на фронте. «Война выработала привычку спать при всяком шуме, вплоть до грохота ближайших батарей, и в то же время научила моментально вскакивать от самого тихого непосредственного обращения к себе» (Чемоданов 1926: 27).

«В окопах все наоборот. Ночь и день поменялись ролями. Ночью мы бодрствуем, а днем спим. Первое время чрезвычайно трудно приучить себя к такой простой вещи. Ночью клонит ко сну, днем трещит голова. Да и трудно заснуть в связывающей тело одежде, в сапогах. Когда неделю не разуваешься – сапоги кажутся стопудовыми гирями, их ненавидишь, как злейшего врага. А распоясываться, когда противник находится в ста шагах, нельзя... Все помешались на неожиданной атаке. Ее ждут с часу на час. И потому неделями нельзя ни раздеваться, ни разуваться» (Арамулов 1989: 537). После боевой вылазки, получив приказ «Марш отдыхать в землянку!», «стряхивая с себя налипшую грязь, заползаем каждый в свое неуютное логово, чтобы забыться на несколько часов в коротком сне» (Там же: 539).

Но существовали и другие формы проведения досуга, во всяком случае, для командного состава. В Русской армии были распространены *полковые собрания*, где в периоды затишья офицеры могли отдохнуть. Жиглинский в письме к матери описывает царившую в них атмосферу: «Побывайте в собрании любого из полков, любой бригады! – Узкая, длинная землянка, стены обшиты досками и изукрашены национальными лентами, вензелями и гирляндами из елок. Душно, накурено. Офицерство попивает чай, играет в карты, в разные игры, вроде скачек, “трик-трак” и т. д. Шахматы, шашки... В одном углу взрывы смеха – там молодой артиллерист тешит компанию сочными анекдотами. Веселый, тучный полковник с Георгием, прислушивается, крутит головой, улыбаясь, между ходом партнера и своим. Вот он же затягивает своим симпатичным, бархатным баритоном “Вниз по Волге-реке” и тотчас десяток-другой голосов подхватывает: “...выплывали стружки...” Поэт и седой генерал, и молодой прапор... За длинным, самодельным, белым столом сидит не случайная компания, а милая, хорошая семья. Главное – дружная... Соединила всех не попойка, не общее горе, – всех соединил долг и общее дело...» (ЦДНА. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 14).

Что касается рядовых, то, естественно, именно служба занимала основную часть солдатского времени, особенно в период боевых действий (наступления, обороны, отступления) или подготовки

к ним. Но нередко были и особые периоды позиционного этапа войны или нахождения в резерве, когда заполнить время было очень сложно. И тогда главными проблемами становились элементарная скука, однообразие, невозможность найти достаточно целесообразных занятий для солдатской массы. Люди были рады любому развлечению.

Особое место на фронте занимали *праздники*. Их ждали, к ним готовились, их отмечали – насколько это позволяла обстановка. Они символизировали связь с довоенным прошлым, с семьей и домом, вносили атмосферу радости в тревожную и тягостную повседневность войны.

Так, 4 декабря 1914 года Чернецов заказал родным целый список разносолов и вкусностей для Рождественского стола: «Если вы захотите чего-нибудь послать мне, то только что-нибудь из съестного и, например: колбасы копченой (краковской), сыру, грудинки копченой, ветчинной колбасы, копченых селедок 2–3 и вообще разных копченых рыбных и мясных товаров; рыбных и мясных консервов (американская лососина, шпроты и разные другие). Хорошо бы прислать кеты соленой, но она, пожалуй, дорогой испортится. Можно прислать сухарей, фунта 3–4, или даже лучше сухарных обрезков (какие прислала Ольга Ивановна), прислать можно баранок; пришлите полфунта какао и каких-нибудь дешевых конфеток (1 фунт, кислых монпасье или прессованное монпасье)... Дорогая Лиза! Хорошо бы мамаша испекла бы своих знаменитых оладьев, которые хотя и зачерствели бы дорогой, но, я думаю, не очень; да, наконец, их можно здесь разогреть. Попроси об этом мамашу, а еще, может быть, она испечет лепешек на сале (таких, какие пекла бабушка, – песочные), они совершенно не черствеют и хорошо выдержат дальний путь... Чаю и сахару мне не надо, этого у нас выдают очень много, так что солдаты пьют чай в накладку. Сахар и чай жертвованный» (ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 11–13). 22 декабря 1914 года он пишет сестре: «Немецкое Рождество прошло на нашем фронте вполне спокойно, без выстрелов орудийных и ружейных, а также спокойно прошла и ночь на их Новый год, только сами немцы сильно шумели: пели песни, свистали, хлопали в ладоши и прыгали, не смущаясь присутствием нас, а мы очень близко находились в это время от них. Сейчас уже вот несколько дней на фронте также спокойно, но только интересно, как-то пройдет наше Рождество и не потревожат ли нас сами немцы на наш праздник или на Новый год... Послали мы сообщая (все солдаты нашего второго взвода) одного человека за покупками к празднику

Рождества Христова в г. Сувалки; покупки – исключительно съестное: ситный, колбаса вареная, копченая, сливочное масло, сыр» (ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 17–18). А затем сообщает: «Рождество нам придется встречать и провести на передних позициях. Жаль очень, что не придется сходить к Всенощной» (Там же).

Следующее письмо Чернецова – от 29 декабря 1914 года – содержит подробный отчет о прошедшем празднике и описание мыслей и чувств, испытанных в этот день: «Рождество Христово нам пришлось встречать на передней позиции, как я и писал ранее вам. Немцы нас совершенно не тревожили ни в сочельник, ни в самый праздник. В сочельник у артиллеристов была зажжена елка, поставленная перед землянками. Вечер был тихий и свечей не задувало. Потом им раздавали подарки и заказанные ими вещи. 27-го декабря мы ушли с передних позиций на вторую линию обороны на отдых, где и начали справлять праздник, который нам пришлось пробыть на позициях впереди. Посланный нами солдат приехал и привез из Сувалок все, что каждый солдат заказывал себе на праздник.

Находясь на позиции в сочельник вечером, как-то невольно мыслями переносился к вам в Москву. Живо представлялся вечер этот, как он проходит в Москве: сначала суетня на улицах, потом прекращение движения трамвая и постепенное прекращение уличной суеты, и, наконец, начинается звон в церквях, какой-то торжественный, праздничный, начало службы великим повечерием и, наконец, всенощная. Народ по окончании высыпает из церквей и расходится в радостном праздничном настроении. Здесь же было совершенно тихо и у нас, и у немцев, и даже в воздухе. Ночь была звездная и нехолодная, и эта тишина особенно нагоняла грусть, и сильнее чувствовалась оторванность от вас» (ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Лл. 20–21).

Ф. Степун (2000: 32–33) в письме к жене от 26 декабря 1914 года также описывает атмосферу праздника: «...в сочельник, как раз к только что зажженной елке, подоспел с рождественскими подарками и посылками солдатам и нам что-то загостившийся у вас в Москве П. А. Мы мгновенно взломали ящики, и наш рождественский стол, за полчаса перед тем унылый и пустынный, словно по мановению скатерти-самобранки, превратился в нечто неопишное, в какой-то гастрономический цветник. По сосновым полкам над постелями каждого из нас выросли батареи ароматических бутылок с одеколоном, вегеталем и духами и стопы книг и папиросных коробок... Когда все мы, наконец, сели за стол, то настроение оказалось безгранично веселым. Впоследствии оно еще повысилось: разведчики пели хором сибирские

песни, а галичане-хыровцы пришли с медведем и козой. Впрочем, всем было не только весело, у каждого на сердце жил свой минорный подголосок. Каждому вспоминалось многое свое, и каждый по-настоящему не понимал, где он и что с ним происходит...».

А вот рядовой Оськин (1989: 482–483) 26 декабря 1914 года сделал в дневнике отнюдь не праздничную запись: «В ночь под Рождество наш отдых окончился. Полк двинули ближе к позициям, и ночевать нам пришлось в крошечной деревушке, все хаты которой были заняты штабом и офицерами: солдатам пришлось размещаться по стодам. На долю нашей роты выпал собственно даже не стодол, а нечто вроде навеса, ничем не защищенного с боков – не было даже плетней. В лучшем случае этот навес мог бы защитить от дождя, но никак не от холода. Он был совершенно пуст, и нам предстояло или провести ночь на ногах или же ложиться, прижавшись друг к другу, прямо на мерзлую землю.

Теплая погода давно уже была позабыта – снова стояли лютые морозы. Солдаты сразу же стали зябнуть. У всех мерзли ноги и руки, синели лица, и если кто-нибудь от усталости решался сесть на землю, то не мог просидеть и нескольких минут – вскакивал и начинал бегать по стодолу или вокруг него. Находившаяся поблизости небольшая халупа, занятая офицерами, казалась нам чем-то вроде недостижимого дворца. Под всевозможными предложениями солдаты старались забежать на несколько минут в эту хату, чтобы хоть чуточку погреться, но хата была настолько мала, что даже разместившиеся в ней офицеры лежали просто на полу. Чердак был занят “привилегированными”, вроде ротных санитаров, ротного писаря, фельдшера и каптенармуса. С нетерпением ждали мы утра, чтобы избавиться от мучений. Нам казалось, что даже в окопах, как ни будь они плохи и опасны для жизни, будет теплее».

25 декабря 1915 года оставил дневниковую запись о Рождестве прапорщик Бакулин: «Для первого дня праздника погода стоит гнилая, вот уже 3-й день тает. И весь снег сошел. Солдатам делают везде елку, выписали гостинцы, как-то: орехи, пряники, конфеты-леденцы. Выдан белый хлеб, колбаса и улучшена пища. Также украшают елки, с которых раздают гармонии, балалайки, ножички, ложки, зажигалки, папиросы, бумагу, конверты и всевозможную мелочь. Это вносит веселье и радость, а то все однообразие до одури» (Из дневников... 1999: 80).

А вот описание им Пасхи выглядит скучнее: «Встретили Пасху невесело, церковной службы не было, костела вблизи тоже нет. Собрались все в нашем собрании, название громкое, но помещение

весьма плохое, похристосовались в час ночи на 22 марта, разговелись, так как кулич на Пасху имели из Белостока, в третьем часу разошлись по домам...» (Из дневников... 1999: 55).

Иначе встретил Пасху Степун: «21-го, т. е. в Страстную субботу, нам была неожиданная радость. В то время как я был на наблюдательном пункте, мне вдруг потелефонили с батареи, что прибыл полковник, командир казачьего дивизиона, который просит меня спуститься вниз. От себя телефонист радостно прибавляет, что “слышно, нас сменяют”. Я кубарем качусь на батарею и обстоятельно докладываю полковнику всю обстановку...

В шесть вечера казаки с гиком и свистом нагаек поднимают свои орудия на гору, а я сажусь верхом и барином еду вниз. Приехав, я застаю у себя в комнате привезенные из Москвы Грациановым ящики. Настроение у меня самое светлое, самое пасхальное. Семен тащит воды холодной и теплой и готовит шампунь для головы, бритву-жилет, одеколон. На койке он раскладывает чистое белье, новую кожаную куртку, новые перчатки и новый стек, все подарки, привезенные В. И. Как хорошо, что все пришло так вовремя, как вдвое хорошо, что под Светлое Воскресение судьба разъединила меня и пушки.

Я тщательно моюсь, бреюсь и медленно одеваюсь... Мой туалет завершают фиалки, которые живо напоминают мне твои единообразно-изящные шляпы и весь твой пленительный образ; на шелковом платке присланные тобою духи...

В девять мы сели за легкий обед, новый командир, Вильзар, я и двое гостей. Пообедав, мы окончательно прибрали комнату, накрыли пасхальный стол: кулич и пасха, присланные из Москвы, пасха, “сооруженная” нашим хозяйственным командиром, львовский окорок ветчины..., яйца, очень удачно выкрашенные луком, красными канцелярскими чернилами и лиловой мастикой для казенных печатей, две бутылки вина (Вильзар получил красное, а я твое “Опорто”) и бездна всяких сладостей.

В одиннадцать мы поехали в Свидник, небольшой, окончательно разрушенный и нами, и австрийцами городок (в нем штаб дивизии и управление бригады), в котором была назначена служба...

Ночь была чудная: теплая, тихая, звездная, полная немых надежд и тихих упований. Я ехал все время шагом. Колесников далеко позади, так что я еле слышал переступанье его лошади. Каждый по-своему думал о своем...

Приехав в Свидник, мы зашли в управление бригады, откуда целую гурьбой направились в церковь. Старая, причудливая, она

смутно выделялась своими белыми стенами из сумрака еще безлунной ночи и заунывно звала своим великопостным звоном.

Церковь была полна солдат, лишь кое-где по углам, при входе, притаилось несколько галичан в белых расшитых костюмах. Мы прошли вперед; в левом пределе собралось все офицерство с начальником дивизии во главе. Началась служба. Мы отстояли только заутреню (командир очень спешил домой), похристосовались друг с другом и вышли. Месяц стоял уже высоко на небе. Само небо было светлее, глубина ночи – мельче. Было два часа утра. Чувствовалось, что ночь идет на убыль и что завтра взойдет светлый, солнечный день, светлое Христово Воскресение.

Разговорившись дома, мы поздно легли спать и проснулись... лишь к десяти утра. За окнами виднелось яркое синее небо. Золотые снопы солнечных лучей жарко горели на нашем самоваре и светлыми зайчиками дрожали на потолке. Слышалась лихая гармоника и неустанный топот солдатской пляски.

Одевшись, я вышел на шоссе в деревню. Картина была крайне живописная: всюду пестрые группы галичан, – женщины, дети и старики, краснопапашечные казаки в лихих вихрах, нарядные гусарские мундиры и наши серые артиллеристы, все это, забыв все, кроме того, что нынче праздник, жило одною, общей жизнью, пело, плясало, гуторило, смеялось.

После чая мы с Вильзаром велели оседлать лошадей и в самом безоблачном настроении поехали опять в Свидник с визитами к начальству. Но тут нас ждало жестокое разочарование. Оказалось, что нам сегодня же нужно двигаться вниз по фронту, чтобы 23-го на рассвете принять участие в назначенном всеобщем наступлении» (Степун 2000: 57–58).

Другой офицер, Исаев, писал своим детям с Кавказского фронта: «Вы вот спали под Пасху в теплых своих кроватках, а в это время сколько и солдат и казаков стояло на часах. Стоят и всматриваются в ночную темь, прислушиваются, не подползает ли враг. А сами думают, что где-то далеко-далеко в их селах и станицах их близкие молятся в храмах, поют: “Христос Воскресе”. Вспоминают солдаты, как они когда то вместе со своей семьей встречали Пасху, и теплится в их сердце вера, что придет время и вернуться они к своим...» (ЦМАМЛС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 87. Лл. 10–11 об.).

Непосредственное отношение к военной повседневности имеют проблемы, связанные с санитарно-гигиеническими условиями и вытекающей из них опасностью вспышек *инфекционных заболеваний*. Они особенно остры для массовых войн, затрагивающих

не только собственно армейский контингент, но и гражданское население. Гигантская миграция огромнейших людских масс (перемещения воинских частей, эвакуация раненых в тыл и возвращение выздоровевших в действующую армию, перемещение гражданского населения из прифронтовых районов в глубь страны, из городов в деревни и обратно) в сочетании с резкой перенаселенностью, нехваткой жилья, катастрофическим ухудшением условий жизни и голодом, – все эти факторы являются пусковым механизмом для развития эпидемических болезней. На протяжении многих столетий действовал неотвратимый закон: войны всегда сопровождались эпидемиями.

В Первую мировую войну одной из главных проблем, связанных с санитарно-гигиеническими условиями и вытекающей из них опасностью инфекционных заболеваний, была борьба с педикулезом, постоянно угрожавшим массовыми вспышками эпидемий, прежде всего сыпного тифа. Опасность усиливалась позиционным характером войны: войска долгими месяцами пребывали в одних и тех же окопах и землянках, которые вместе с людьми обживали и насекомые-паразиты. «В геометрической прогрессии размножаются вши. Это настоящий бич окопной войны. Нет от них спасения. Некоторые стрелки не обращают на вшей внимания. Вши безмятежно пасутся в них на поверхности шинели и гимнастерки, в бороде, в бровях. Другие – я в том числе – ежедневно устраивают ловлю и избиение вшей. Но это не помогает. Чем больше их бьешь – тем больше они плодятся и неистовствуют. Я расчесал все тело... Охота на вшей, нытье и разговоры – все это повторяется ежедневно и утомляет своим однообразием», – вспоминал Арамилев (1989: 537–538). Бытовая проблема не только имела самостоятельное значение (санитарные потери снижали боеспособность войск), но и перерастала в проблему психологическую, подрывая моральный и боевой дух личного состава.

Впрочем, не менее грозными в той войне были желудочные инфекции, особенно брюшной тиф, холера и дизентерия, преследовавшие Русскую армию на протяжении всей войны, но особенно на заключительной ее стадии, когда происходил развал армии, систем управления и снабжения, а также медицинской службы.

Оськин писал в декабре 1914 года с Юго-Западного фронта: «Когда, после нескольких дней похода, мы приблизились к устью реки Ниды, в полку обнаружилось заболевание холерой. Сначала заболевания носили единичный характер, но чем ближе подходили мы к устью Ниды, тем больше и больше заболело народу. Нако-

нец, по распоряжению свыше, полк был назначен в карантин. Для этого заняли одну из деревень. Вокруг деревни была выставлена охрана, никого не пропускавшая за околицу. В какие-нибудь три-четыре дня слегла половина полка. Хаты, в отведенном для больных конце деревни, были набиты до отказа, и нельзя было без содрогания смотреть на все, что делалось внутри их. Люди корчились в судорогах, извиваясь всем телом и изрыгая остатки пищи. Многие, не евших уже в течение нескольких дней, рвало какой-то страшной зеленой жидкостью. Лица больных, острые, бледно-синие, казались неживыми, и лишь судорожные движения, вызванные рвотой, указывали, что они еще живы. Полковые санитары сбивались с ног, бегая от одного больного к другому.

Когда, благодаря принятым мерам, холерные заболевания пошли на убыль, поступило распоряжение двигаться дальше, по направлению к Новому Корченю.

Раньше я думал, что заболевания холерой непременно кончатся смертью. Однако на деле это было далеко не так. Солдаты, заболевшие в походе, догнали нас в Новом Корчене уже совсем здоровыми. Крепкий организм побеждал холеру не более чем в две недели. Больше всего смертных случаев было с солдатами-татарами. Чем объяснить это – не знаю...

В Новый Корчень мы вступили за несколько дней до Рождества. Нас на первое время оставили в резерве, чтобы дать солдатам отдохнуть после эпидемии» (Оськин 1989: 482).

Проблемы санитарно-гигиенического характера во время войны приобрели поистине гигантские масштабы. При общей численности мобилизованных в Русскую армию 15,5 млн. человек только госпитализированных за время войны военнослужащих, нуждавшихся в продолжительном лечении, учтено около 5,15 млн. человек, из них раненых свыше 2,8 млн. чел. и заболевших – более 2,3 млн. человек (Россия... 1925: 4, 25.), при этом умерли именно от болезней свыше 155 тыс. человек (см.: Урланис 1960: 174; Россия... 1925: 100; Кривошеев и др. 2010: 95). А всего в период Первой мировой войны и последовавшей сразу за ней Гражданской только сыпной тиф поразил в нашей стране, по разным подсчетам, от 10 до 25 млн. человек (Мирский 1991: 142).

В заключение необходимо отметить, что от качества солдатского быта, его организации во многом зависят моральный дух войск и их боеспособность, а недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам нередко негативно сказывается на ходе боевых действий или приводит к неоправданно большим потерям. В дан-

ной статье затронуты лишь некоторые проблемы окопного быта Русской армии в годы Первой мировой войны, являющегося важной частью фронтовой повседневности, изучение которой во всем ее многообразии и противоречивости позволит глубже понять «человеческий ракурс» новейшей военной истории, тот трудноуловимый субъективный фактор, который в экстремальных условиях войны может неожиданно перевесить все факторы материальные и оказаться «последней каплей», склоняющей чашу весов в сторону побед или поражений.

Литература

Арамилев, В. 1989. В дыму войны. *Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы*. М.: Молодая гвардия, с. 537–543.

Аранович, А. В.

2000. *Интендантство Русской армии накануне и в годы Первой мировой войны*: дис. ... канд. ист. наук. СПб.

2006. *Интендантское снабжение Русской армии во второй половине XIX – начале XX века*: дис. ... д-ра ист. наук. СПб.

Валяев, Я. В. 2012. *Фронтовой быт военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.)*: дис. ... канд. ист. наук. Белгород.

Вишневский, В. В. 1989. Война. *Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы*. М.: Молодая гвардия, с. 374–387.

Войтоловский, Л. Н. 1998. *Всходил кровавый Марс: По следам войны*. М.: Воениздат.

Головин, Н. Н. 1997. Обширное поле военной психологии. *Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. Российский военный сборник*. Вып. 13. М.: Русский путь, с. 15–36.

Дрейлинг, Р. К. 1997. Военная психология как наука. *Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. Российский военный сборник*. Вып. 13. М.: Русский путь, с. 156–166.

Жиглинский, А. Н. 2004. *Реквием*. М.: Государственная публичная историческая библиотека России.

Из дневников офицера русской армии Бакулина (1914–1917 гг.). Публикация Т. К. Кудзаевой и Э. П. Соколовой. 1999. *Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны: сб. научных трудов*. Вып. 24. Кн. 3. М.: ГЦМСИР, с. 41–122.

Изместьев, П. И. 1923. *Очерки по военной психологии. Некоторые основы тактики и военного воспитания*. Пг.: Воениздат.

Краснов, П. 1997. Душа армии. Очерки по военной психологии. *Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. Российский военный сборник*. Вып. 13. М.: Русский путь, с. 37–155.

Мирский, М. Б. 1991. *Обязаны жизнью*. М.: Политиздат.

Окунев, Я. 1989. Воинская страда. *Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы*. М.: Молодая гвардия, с. 493–504.

Оськин, Д. 1989. Записки солдата. *Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы*. М.: Молодая гвардия, с. 480–485.

Падучев, Вл. 1989. Записки нижнего чина. *Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы*. М.: Молодая гвардия, с. 533–537.

Рид, Дж. 1989. Вдоль фронта. *Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы*. М.: Молодая гвардия, с. 381–387.

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 4, 25.

Кривошеев, Г. Ф., Андроников, В. М., Буриков, П. Д. и др. (ред.). 2010. *Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь*. М.: Вече.

Степун, Ф. А. (Н. Лугин). 2000. *Из писем прапорщика-артиллериста*. Томск: Водолей.

Урланис, Б. Ц. 1960. *Войны и народонаселение Европы*. М.: Изд-во социально-экономической литературы.

Чемоданов, Г. Н. 1926. *Последние дни старой армии*. М.; Л.: Госиздат.

Шубин, Н. А. 1997. *Проблемы снабжения русской армии в условиях Первой мировой войны: опыт взаимодействия государства и общественных организаций. 1914–1917 гг.*: дис. ... канд. ист. наук. М.

Архивы:

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

ЦДНА – Центр документации «Народный архив».

ЦММЛС – Центральный московский архив-музей личных собраний.